

Татьяна Вайчук
**ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ КАК
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА**

памяти отца Бернардо Антонини

Витгенштейн – наше все

*Текст Витгенштейна создает столь сильное и жесткое
энергетическое излучение, что все попадающие в его
словое поле получают особый, и, насколько я могу судить,
подчас близкий опыт – попадают под его власть.*

З. Сокулер

*...именно Витгенштейн, а не Остин, был
подлинным основателем теории речевых актов.*

В. Руднев¹

«Логико-философский трактат» – сочинение сугубо продуманное и очень твердо завершенное. В нем нашел выражение (и, одновременно, содержался отказ от дальнейшего исследования) *логицистский* подход к языку, а вот концепция языковых игр («Голубая книга», «Коричневая книга», «Философские исследования», «О достоверности»), действительно, весьма повлияла на становление теории речевых актов. В «Голубой книге» Витгенштейн пишет: «Слово не приобретает значения, данного ему как будто бы некоторой силой, независимой от нас, так что здесь может иметь место род научного исследования того, что означает слово на самом деле. Слово имеет то значение, которое ему дает человек. Существуют слова с различными ясно определенными значениями. Эти значения легко классифицируются. И существуют слова, о которых можно сказать: «Они употребляются тысячью различных способов, которые градуально переходят одно в другое» [3, с. 50].

Концепция языковых игр Витгенштейна – это реализация его же принципа «Не думай, а смотри». Ответ на вопрос: «Разве мы только другим людям не можем точно сказать, что такое игра?» он полагал в том, что мы не знаем границ понятия игры, потому что **они не установлены**, и, возможно, **и не могут быть установлены**. «Можно сказать, что понятие “игры” – понятие с расплывчатыми границами. – Но является ли расплывчатое понятие понятием вообще? – Является ли нечеткая фотография вообще изображением человека? Всегда ли целесообразно заменять нечеткое изображение четким? Разве нечетливое не является часто как раз тем, что нам нужно?» [2, с. 112–113]. Для Витгенштейна важно показать, что такие слова, как

«понимать», «подразумевать», «ожидать» и т. д. вообще ничего не «обозначают»; они не используются как «имена», с помощью которых «нечто» называется при описании фактов. Можно привести здесь пример Г. Райла, который хорошо поясняет то, что является главным для Витгенштейна: нельзя спросить «Как долго вы вчера вечером подразумевали?»,— подобно тому, как можно спросить: «Как долго вы вчера вечером дискутировали?».

Языковые игры мыслятся Витгенштейном как не менее разнообразные, чем «формы жизни»: при описании языковых игр показывает себя то, что является интенцией смысла. Ибо последняя не может мыслиться изолированно от «языковых игр», а это в то же время означает: от определенной поведенческой практики, которая именно как языковая игра представляет собой смысловую «форму жизни». Большинство языковых игр, используемых человеком на протяжении его истории,— коль скоро они «не работают вхолостую», но должны быть действительно поняты,— требуют дополнения определенной интерпретацией, опирающейся, помимо внутренних отношений между понятиями, на поведение игроков, которое не поддается пониманию в этих понятиях. Иными словами, языковую игру можно интерпретировать как единство языкового употребления, жизненной практики и миропонимания, т. е. как то, что не исключает противоречия между ее конститутивными моментами.

О (не) происхождении теории речевых актов из Ветхого Завета

Если быть совсем «пунктуальной» в реконструкции истории теории речевых актов, то ее нужно начать с Ветхого Завета, т.к. вторая ипостась Бога угадывается в нем как *Слово* — Слово Отца. Еврейское «*дабар*» на греческий было переведено как «*логос*», а на латинский — как «*вербум*». У греков «*логос*» — это прежде всего слово, поскольку оно умопостигаемо. Поэтому *слово* выражает внутренний смысл и закон вещей. Однако, в еврейском «*дабар*» *слово* предстает как *осуществляющее* то, что оно обозначает; таково, например, слово благословения или проклятия. Это **акт**, а не просто обозначение. Сила Слова Бога так выражена Исаией: «Как дождь и снег нисходят с неба и туда не возвращаются, но наполняют землю и делают ее способной рождать и произрастать...так и слово Мое, которое исходит из уст Моих,— оно не возвращается ко мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно» [Ис. 55, 10–11].

Вряд ли работа наших аналитиков опиралась на боговдохновенный текст. И вообще, такому подходу, как, например, подход Ф. Филдса, состоявший в том, что еврейские представления о языке в конечном счете были порождены специфически иудаистской концепцией, что воля Божия

обнаруживается через слово, что Слово всесильно и приводит к совершению того, что означает – с равным успехом может быть противопоставлена точка зрения Ф. Розенцвейга: нет ничего более еврейского, чем неверие в конечную силу слова и глубокая вера в могущество молчания. И вообще-то вера в могущество слова вряд ли может или должна приписываться исключительно евреям. Так, православнейший П. А. Флоренский пишет: «И речь, как ни считают ее бессильной, действует в мире, творя себе подобное. И как зачатие может не требовать сознательно-личностного участия, так и оплодотворение словом не предполагает непременно ясности сознания, раз только слово уже родилось в общественную среду от слово-творца или, точнее, слово-культуратора, бывшего ранее. Вот почему магически мощное слово не требует, по крайней мере на низших ступенях магии, непременно индивидуально-личного напряжения воли, или даже ясного сознания его смысла. Оно само концентрирует энергию духа, как бы напивается ею, раз только есть произволение его произнести, т. е. минимум внутренней самодеятельности...» [14, с. 264–265].

О том, что слово «приводит» к тому, что означает, есть остроумный рассказ В. Пелевина, в аврамической религиозности которого у меня есть серьезные сомнения. Для действенности слова достаточно конвенции. В «Оружии возмездия» говорится: «Для обученного необходимой методологии человека ничего не стоит придать реальность как еврейскому заговору, так и, например, троцкистско-зиновьевскому блоку... Ведь все наши понятия – продукт общественного соглашения, не более... Реальность словам придают люди. Когда умрет последний марксист, исчезнет вся объективная реальность, и ничто не скопируется и не сфотографируется ничьими чувствами, и ничто не дастся никому в ощущении, существуя независимо, как не происходило этого ни в Древнем Египте, ни в Византийской империи... Когда множество людей верит в реальность некоего объекта (или процесса), он начинает себя проявлять...» [8, с. 312]. Но идея сакральности слова Пелевину не чужда. Рассказывают, что в свое время он носился с идеей перевода главных священных книг мировых религий на блатной язык. На недоуменный вопрос, зачем ему это нужно, он отвечал с истинно пелевинской точностью: сегодня блатной язык единственно сакрален. Т.е. за его неправильное употребление можно заплатить жизнью. Сакральное, ритуал, ответственность остались только среди криминала; это последняя сфера, где отвечают за базар.

Больше чем автор теории – автор концепта. Джон Лангшов Остин

Так случилось, что лингвистическая философия, важным фрагментом которой является теория речевых актов Остина, в советской истории философии не заслужила и пары добрых слов. А ведь в

вегетарианские времена 60–80 годов многие работы западных аналитиков переводились, достаточно доброжелательно комментировались и т. д. Более того, некороткий ряд советских авторов работал в аналитической манере: соблюдая определенный неписанный ритуал, это было возможно. Однако творчество Остина легализовали все-таки лингвисты.

В основе большинства англоязычных работ по теории дискурса лежит противопоставление теоретического (собственно логического) и практического рассуждения. Это различие в полной мере осознавалось уже Кантом, более того, именно дистинкция чистого и практического разума лежит в основе его критической философии. Если целью чистого разума является установление истины, то задачей практического – выбор цели и пути ее достижения. Теоретическое мышление обычно имеет своим предметом прошлое и настоящее. Практическое рассуждение преимущественно обращено «вперед». Анализ текста практического рассуждения обнажает «субъективную», не отвлеченную от психологических характеристик человека, логику (поэтому обращение к естественному языку стимулировало создание таких новых видов логик, как логика оценок, логика норм, логика предпочтения, логика действия).

Остин начинал с достаточно типичной для аналитика проблематики – значение, истина, чужое сознание [7]. Наверное, потому, что вышеперечисленное рассматривалось им с точки зрения философской логики, к концу своей недолгой жизни он пришел к вот какой идее: существует тип высказываний, не являющихся бессмыслицей, но неправильное употребление которых может порождать специфические виды «бессмыслицы». Например, «Да», произнесенное во время брачной церемонии или «Нарекаю это судно “Алексей Юсев”» – слова, сопровождающие разбивание бутылки шампанского о нос судна и т. п. Эти «Да» и «Нарекаю это судно “Алексей Юсев”» не являются описанием того, как было бы квалифицировано действие в результате произнесения высказывания, или утверждением, что совершается данный акт: произнесение высказывания и есть осуществление действия. И эти высказывания не являются ни истинными, ни ложными! Для высказываний этого типа Остином и предлагается название – *перформатив*.

У Д. Быкова и И. Лукьяновой в прелестном романе «В мире животиков» есть трогательная сцена, в которой авторы как раз показывают интересующее нас тонкости речи: «Зверек... судорожно вдохнул и выпалил: “Выходи за меня замуж!”. И потупился, маленький, смущенный и печальный, как будто из него выпустили воздух. “Ахти, – потрясенно сказала Зверюша, и долго не могла сообразить, что ответить: если бы Зверек сказал “хочешь выйти за меня замуж?” – она бы тут же ответила “да” и не мучилась. Но поскольку он не задавал вопрос, а **делал**

предложение, то она и растерялась. Как сказать “Давай”? Или “Согласна”? Или “Почему бы и нет”? (Выделено мной – *T.B.*)» [1, с. 270]. Можно даже сказать, что это «делал предложение» является самореференциальным речевым актом, который можно было бы обыграть аналогично парадоксу лжеца.

Остин рассматривает язык прежде всего в его **конвенциональном аспекте**. Вот пример. Остин предполагает рассмотреть ситуацию, когда некто произнес перформативное высказывание, но такое, что его следует отнести к классу осечек, поскольку вызванная (*invoked*) процедура не была общепринятой. «Представим себе, что муж сказал своей жене “Я развожусь с тобой” и это событие имело место в христианской стране. Мы можем утверждать: “Развод все равно не состоялся, ибо мы признаем совершенно другую вербальную или невербальную процедуру”; более того, мы можем даже сказать: “Мы не признаем никакой процедуры развода – брак нерасторжим” [6, с. 40–41].

Решение Остином вопроса о том, перформативно ли используются некоторые высказывания, носит инструментальный характер – это тесты.

Первый тест состоит в выявлении осмысленности вопроса «на самом деле» в данном случае. Например, когда кто-то говорит «Рад Вас видеть» или «Приветствую Вас» можно спросить «Хотел бы я знать, рад ли он на самом деле?», но мы не можем сказать «Хотел бы я знать, приветствует ли он меня (его) на самом деле?». Второй тест: можно ли осуществить данное действие, не произнося никаких слов, например, в случае сожаления, в отличие от принесения извинения, в случае признательности, в отличие от выражения благодарности и т. д. Третий тест: можем ли мы, хотя бы в некоторых случаях, вставить перед предположительно перформативным глаголом какое-нибудь наречие типа «умышленно» или выражение типа «Я готов». Четвертый тест сводится к вопросу, может ли высказывание быть в буквальном смысле ложным, как это иногда случается с высказыванием «Сожалею», или только неискренним (неуспешным), как это происходит иногда с высказыванием «Приношу свои извинения».

Для того чтобы справиться с возникшими трудностями, Остин предлагает бросить «свежий взгляд на проблему». В конце концов «осуществление действия» – очень расплывчатое понятие. Разве мы не совершаем действия, произнося что бы то ни было? Акт «говорения» Остин предлагает назвать осуществлением **локутивного акта**, а исследование высказываний, проводимое на этом уровне, – анализом локуций, или полных единиц речи. Локутивный акт соответствует произнесению предложения с определенным смыслом и референцией, что грубо соответствует «значению» в традиционном смысле слова. Обычно осуществление локутивного акта одновременно и тем самым является

осуществлением **иллокутивного акта**. Производя иллокутивные акты (информирование, приказ, предупреждение, начинание и т. п.), мы произносим высказывания, обладающие определенной (конвенциональной) силой. Мы способны также осуществлять **перлокутивные акты**, т. е. вызывать что-то, достигать чего-либо и т. д. посредством говорения, например, убеждать, устрашать, вводить в заблуждение и т. д.

Остиновское разграничение констативов и перформативов может оказаться полезным при анализе разных типов политического дискурса. Если взять тексты современных консерваторов (бывших до 70-х годов либералами), то нельзя не отметить **рационально-констатирующий** стиль их аргументации (что, в принципе, не означает, что мы имеем здесь дело непременно с «божьими одуванчиками»). И совсем другое дело – риторические приемы большевиков или фашистов. На первый план в этом типе дискурса всегда выдвигаются **перформативы** – *оскорбить, устрашить, призвать к действию (или «порядку»)* и т. д. Но несомненно, что безразлично к политическим оттенкам, дискурс – не только коллективный агитатор и пропагандист, но также и коллективный организатор.

Поэтому Дж. Л. Остин больше, чем автор теории, – он автор концепта. Современный деятель искусства, оперируя словом «перформанс», возможно не штудировал «How to Do Things with Words», однако «употребление языка» Остина как анонимного как раз доказывает, что его код уже укоренен в культуре.

Парень, который не подведет. Джон Раймунд Серль

Серль, в отличие от Витгенштейна и Остина, имевших своих «эккерманов» (и, как правило, не в единственном числе), все свое написал сам. У меня, во всяком случае, сложилось впечатление, что сразу же после окончания Оксфордского университета он наметил себе программу, которую выполняет и по нынешний день. Он складывал монографию «Speech Acts», как роют туннель, и, завершенная в 1969 году и переиздававшаяся ежегодно, она стала одной из классических книг аналитической философии.

Совершение иллокутивного акта, полагает Серль, относится к тем формам поведения, которые регулируются правилами. Такие действия, как задавание вопросов или высказывание утверждений, регулируются правилами, аналогично тому, как подчиняются правилам ход конем в шахматах или пенальти в футболе. Серль ставит перед собой задачу эксплицировать понятие речевого акта, задав *множество необходимых и достаточных условий* для совершения некоторого конкретного вида иллокутивного акта и выявив из него множество семантических правил

для употребления того выражения (или синтаксического средства), которое маркирует высказывание как иллокутивный акт именно данного лица. Витгенштейн подходил к анализу значений как к правилам употребления языка. При этом философичнейший из аналитиков не сформулировал явно ни одного правила. На этом основании оппоненты Витгенштейна заявили, что таких правил вообще не существует. Серль же счел скептицизм противников Витгенштейна преждевременным. Он увидел источник этого скептицизма в неспособности разграничить разные виды правил. Серль исходит из совершенно верного наблюдения: есть правила, которые регулируют формы поведения, существовавшие до принятия этих правил, например, правила этикета регулируют межличностные отношения, но эти отношения существуют независимо от правил этикета. Другие же правила не просто регулируют, но создают или определяют новые формы поведения. Футбольные правила не просто регулируют игру в футбол, но, так сказать, создают возможность такой деятельности или определяют ее. Деятельность, называемая игрой в футбол, состоит в определении действий в соответствии с этими правилами; футбола вне этих правил не существует. Правила первого типа Серль называет *регулятивными*, а второго типа – *конститутивными*. **Регулятивные правила** обычно имеют форму императива или императивной перифразы. **Конститутивные правила** – совершенно другую форму; например, королю дан мат, если он атакован таким образом, что никакой ход не может вывести его из-под удара. Конститутивные правила почти тавтологичны, собственно их квазитавтологичный характер есть неизбежное следствие этой «конститутивности»: правила, касающиеся футбола, определяют «футбол». Гипотеза, на которой основывается работа «Что такое речевой акт?», состоит в том, что ***семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил*** и что иллокутивные акты суть акты, совершаемые в соответствии с этими наборами конститутивных правил. Серль выделяет 12 значимых измерений, в которых происходит варьирование иллокутивных актов.

(1) Различие в *цели* данного (типа) акта.

Так, смысл (point), или цель (purpose) может быть охарактеризована как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Смысл, или цель описания – в том, чтобы представить (правильно или неправильно) некоторое положение вещей. Важно иметь в виду, что термины «смысл», «цель» не должны приводить к выводу о том, что каждый иллокутивный акт обладает перлокутивным намерением. Обещания и утверждения не являются, по определению, попытками осуществить перлокутивное воздействие на слушающих.

Иллокутивная цель – это только часть иллокутивной силы,

хотя, возможно, и важнейшая.

(2) Различия в *направлении приспособления* (direct of fit) между словами и миром.

Некоторые иллокуции в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова (точнее, пропозициональное содержание речи) соответствовали миру; другие иллокуции связаны с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам. Направление приспособления всегда является следствием иллокутивной цели. Серлю полагает, что было бы «очень элегантно» построить всю таксономию речевых актов целиком на основе различия по направлению приспособления – «но я не в состоянии положить это понятие в основу всех моих разграничений».

Элегантную операцию оказался в состоянии выполнить русский писатель Д. Горчев: «Вообще любому имбецилу прекрасно известно, что всякий коммуникативный акт по определению есть наёбка и пиздёж». (Поскольку философия языка давно борется за то, чтобы полагать значения как контекстно-значимые, я прошу воспринимать ненормативную лексику Горчева как специальную научную терминологию). А ведь действительно, если развести первое и второе, то первое как раз лежит в русле direct of fit «слова-мир», в то время как второе направление приспособления – «мир-слова». Однако дальнейшее теоретическое построение замечательного поэта и стихийного диалектика позволяет продвинуться так далеко, как и не блазнилось англо-американцам: «Единственно слегка любопытным на эту тему является то, что из всех коммуникативных наёбок самыми гнусными и наглými являются как раз те, что производятся от чистейшего сердца и из самой глубины души, как то: пьяные излияния, потоки сознания и дневники гр. Л. Н. Толстого» [4, с. 210–211].

(3) Различия в выраженных *психологических состояниях*.

Нельзя сказать: «Я утверждаю, что р, но не думаю, что р», «Я обещаю, что р, но не намереваюсь р». Психологическое состояние, выраженное при совершении иллокутивного акта, – это условие искренности акта.

Эти три «измерения» речевого акта – иллокутивная цель, направление приспособления и условие искренности представляются Серлю наиболее важными, и его таксономия построена, в основном, на них.

Рассмотрим последнее в серлевском списке (но не по значимости) измерение – стиль. Если локуция «Нарушивший закон должен понести наказание» выражается иллокуциями (декларациями) «Будем мочить в сортирах» или «Кто нас обидит, тот и трех дней не проживет» – и это, по

Серлю, вполне справедливо, так как невозможно осуществить угрозу, сказав «Я угрожаю», – то очевидно обращение автора знаменитых иллюзий к уголовно-лагерному стилю, и здесь есть над чем задуматься. За стилем всегда стоит определенная онтология. Или, мог бы сказать Игорь Чубаров, определенная стратегия власти. Поэтому политически победивший криминалитет легализовывает себя в соответствующем откровенном слове...

«Итоговая» модель языка Серля – как она дана в «Intentionality» [16], – с одной стороны, является развитием классического представления о языке, т. к. основывается на идее абсолютно прозрачного сознания, и его понятие референции мыслится как способное выразиться в означающем без остатка. С другой стороны, Серлем усвоены подходы как Витгенштейна, так и Остина, поэтому его теория речевых актов «выдерживает» даже интерпретацию со стороны «острого галльского смысла» Ж.-Ф. Лиотара: «По поводу языковых игр следует провести три наблюдения. Первое: их правила не содержат в самих себе свою легитимацию, но составляют предмет соглашения – явного или неявного – между игроками (что, однако, не означает, что эти последние выдумывают правила). Второе: если нет правил, то нет и игры, даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а «прием» или высказывание, не удовлетворяющее правилам, не принадлежит определяемой ими игре. Это последнее наблюдение приводит к предположению существования первого принципа, лежащего в основе всего нашего метода: говорить значит бороться в смысле играть; **языковые акты показывают общее противоборство (агонистику).** (Выделено мной – Т. В.)» [5, с. 32–33].

Примечания

¹ И с этим утверждением нельзя не согласиться. Но обращают на себя внимание уже в негативном смысле последующие замечания В. Руднева: «Другая особенность нашего перевода заключалась в том, что мы старались разрушить привычные и уже потому некорректные («замыленные») переводческие штампы. Так, например, мы порой переводили слово *Sprache* не как «язык», а как «речь», учитывая тот факт, что для Витгенштейна (в отличие, скажем, от Лакана) сосюрговская оппозиция языка и речи не играла никакой роли, *Sprache* в контексте «Трактата» чаще всего означает именно звучащий поток речи» [10, с. 100]. Представляется, однако, что Витгенштейн, какие диагнозы ему не лепи – хоть психастеник, хоть шизогимик, хоть оба одновременно, – отчетливо представлял себе различие слов «язык» и «речь» и не нуждался в соавторах. Моя дочь, впитавшая почтение к Витгенштейну с первым кефиром, даже обиделась на Руднева: «...я не вполне согласна с Рудневым, когда он

подчеркивает шизотимные черты Витгенштейна. Действительно, “пониженная чувствительность к переживанию других” может объясняться “избытком восприимчивости” и быть показателем психестенической пропорции по Кречмеру, однако, вряд ли только на этом основании можно говорить о шизотимности Витгенштейна. По крайней мере, его способность к симпатии является сильным аргументом против такого понимания. Во-вторых, на мой взгляд, стремление к жизни (Эросу) можно толковать как стремление не только к продолжению своей жизни, но и сохранению и улучшению жизни других людей посредством заботы о них»[13, с.2].

1. Быков Д., Лукьянова И. В мире животиков.- СПб., 2000.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования.- М., 1994.
3. Витгенштейн Л. Голубая книга.- М., 1999.
4. Горчев Д. Сволочи.- СПб, 2002.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна.- СПб. 1998.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXVII.- М., 1986.
7. Остин Дж. Избранное.- М., 1999.
8. Пелевин В. О. Желтая стрела.- М., 2000.
9. Руднев В. П. Витгенштейн как личность // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993.
10. Руднев В. П. Л. Витгенштейн. «Логико-философский трактат» с параллельным философско-семиотическим комментарием // Логос.- 1999.- № 1.
11. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике.- М., 1986.
12. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике.- М., 1986.
13. Соловьева О. Людвиг Витгенштейн. Рукопись.
14. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Имена.- М.-Харьков, 1998.
15. Searle J. R. Speech acts: An Essays in the Philosophy of Language.- Cambridge, 1969.
16. Searle J. R. Intentionality. An Essays in the Philosophy of Mind.- Cambridge, 1983.